

Успенский Петр Демьянович

**"Кинемодрама": Не для
кинематографа. Оккультная
повесть из цикла идей "Вечного
возвращения"**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
ПЗ0

ПЗ0 **Петр Демьянович У.**
"Кинемодрама": Не для кинематографа. Оккультная повесть из цикла идей "Вечного вращения" / Успенский Петр Демьянович – М.: Книга по Требованию, 2024. – 158 с.

ISBN 978-5-519-78408-5

ISBN 978-5-519-78408-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ I.

Иванъ Осонинъ.

	стр.
Глава I. Прощаніе	5
Глава II. Три письма	12
Глава III. Человѣкъ въ синемъ пальто	17
Глава IV. Конецъ романа.	18
Глава V. У волшебника	18

ЧАСТЬ II.

Жизнь.

Глава			стр.
I.	Утро.		2
II.	Мысли		33
III.	Прошлое.		37
IV.	Сонъ.		44
V.	Гимназистъ		50
VI.	Мать.		53
VII.	Понедѣльникъ		58
VIII.	Дѣйствительность и сказк		65
IX.	Наказанный		70
X.	Скука .		72
XI.	Зелесъ .		75
XII.	Въ больницѣ .		79
XIII.	Дома		85
XIV.	Танячка		87
XV.	Дядя		99
XVI.	Чортова механика		105
XVII.	Парижъ.		111
XVIII.	Зипанда		119
XIX.	Ненабъжное		130
XX.	Зимній день		130

ЧАСТЬ III.

Старое и новое.

Глава	I. Колесо жизни.	143
Глава	II. У порога.	140
Заключеніе		156

ЧАСТЬ I.

ИВАНЪ ОСОКИНЪ.

ГЛАВА I.

Прощаніе.

На экранѣ кинематографа—сцена на вокзалѣ. Группа знакомыхъ провожаетъ Зинаиду Крутицкую и ея мать въ Крымъ. Среди другихъ провожающихъ Иванъ Осокинъ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти.

Осокинъ, видимо, волнуется, хотя старается не показывать этого. Зинаида разговариваетъ съ братомъ, офицеромъ, и съ двумя барышнями, потомъ она поворачивается къ Осокину и отходитъ съ нимъ въ сторону.

— Мнѣ будетъ очень не доставать васъ, невозможно капризно говоритъ она.—Я жалѣю, что вы не можете ѣхать съ нами. Хотя мнѣ кажется, вы не особенно хотите, иначе бы поѣхали. То, что вы остаетесь, очень мало похоже на всѣ наши разговоры.

Иванъ Осокинъ волнуется все больше и, стараясь сдерживаться, съ трудомъ говоритъ:

— Я не могу сейчасъ, но я приѣду. Даю вамъ слово. Вы себѣ не можете представить, какъ мнѣ трудно оставаться здѣсь.

— И не могу представить, и не вѣрю. Когда человѣкъ чего-нибудь такъ хочетъ, какъ вы говорите, онъ дѣлаетъ. Я увѣрена, что у васъ романъ здѣсь, сознайтесь. Съ какой-нибудь изъ вашихъ ученицъ. Правда?

Она смѣется.

Слова Зинаиды и ея тонъ болѣзненно вадѣваютъ Осокина. Онъ хочетъ что-то сказать, но останавливается, потомъ говоритъ:

— Вы знаете, что это неправда, вы знаете, что я весь вашъ,

— Почему я могу знать, дѣлая удивленный видъ, говорить Зинаида. У васъ всегда какія-то дѣла. Вы всегда отказываетесь быть съ нами. Никогда у васъ нѣтъ времени для меня. И теперь мнѣ бы такъ хотѣлось, чтобы вы поѣхали. Подумайте, какъ весело было бы ѣхать.

Она бросаетъ шутливый взглядъ на Осокина.

— И потомъ, тамъ въ Крыму, мы бы ѣздили верхомъ, купались. Вы читали бы мнѣ ваши стихи. А теперь мнѣ будетъ скучно.

Она хмурится и отворачивается.

Иванъ Осокинъ хочетъ что-то сказать, но ничего не подходитъ и кусаетъ губы.

— Я приѣду, говоритъ онъ.

— Приглашайте, равнодушно говоритъ Зинаида. А все-таки это уже потеряно. Мнѣ будетъ скучно ѣхать одной.

Она дѣлаетъ гримасу.

Осокинъ хочетъ что-то сказать.

— Я понимаю только настоящее, живо говоритъ она; — что мнѣ отъ того, что будетъ когда-то. Вы вотъ этого не понимаете, вы можете жить будущимъ, я не могу.

— Я все это понимаю и мнѣ это очень тяжело, но я ничего не могу сдѣлать, говоритъ Осокинъ. — А вы помпите мою просьбу?

— Хорошо, я вамъ напишу. Только я не люблю писать писемъ. Много не ждите, лучше приглашайте скорѣй. Я васъ буду ждать мѣсяцъ, два мѣсяца, потомъ перестану ждать.

Она смѣется.

— Ну, пойдите, мама о чемъ-то беспокоится.

Они подходятъ къ группѣ у спальнаго вагона.

Осокинъ съ офицеромъ, братомъ Зинаиды, идутъ къ выходу съ вокзала.

— Что, Ваня, ты не веселый такой? говоритъ тотъ.

Осокину не хочется ни о чемъ говорить.

— Нѣтъ, я ничего, говоритъ онъ. — Надоѣла очень Москва, хорошо бы тоже уѣхать куда-нибудь.

Они выходятъ изъ дверей вокзала на площадь. Офицеръ зоветъ извозчика, садится и уѣзжаетъ.

Иванъ Осокинъ долго стоитъ и смотритъ ему вслѣдъ.

— Иногда мнѣ кажется, что я что-то вспоминаю, мед-

ленно говорить о нѣ про себя.—Иногда мнѣ кажется, что я что-то забылъ. Иногда кажется, что все было, когда-то раньше, прежде . . . Страшно!

Потомъ онъ оглядывается кругомъ и точно пробуждается.

— А она уѣхала. И я здѣсь одинъ. Подумать только, что я могъ бы теперь ѣхать съ ней вмѣстѣ. Но, вѣдь, это же было бы все, чего я могу желать сейчасъ. Дорога на югъ, къ солнцу, и быть съ ней два дня—и утромъ, и вечеромъ. Потомъ каждый день видѣть ее . . . И море, горы . . . Вмѣсто этого я остаюсь здѣсь. И она даже не понимаетъ, почему я не ѣду. Да если бы и понимала, мнѣ отъ этого было бы насколько не легко.

Онъ оглядывается еще разъ на вокзалъ и, опустивъ голову, идетъ съ лѣстницы.

ГЛАВА II.

Три письма.

Черезъ три мѣсяца у Ивана Осокина. Большая комната, которая сдается «съ мебелью». Довольно убогая обстановка. Железная кровать съ сѣрымъ одѣяломъ, умывальникъ, комодъ, дешевый письменный столъ; на стѣнѣ портретъ Байрона и нѣсколько рапиръ, масокъ и принадлежностей фектованія. Иванъ Осокинъ ходитъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ, очень разстроенный, съ отвращеніемъ отшныриваетъ отъ себя попавшійся по дорогѣ стулъ. Подходитъ къ столу, вынимаетъ изъ ящика три письма въ узкихъ, длинныхъ конвертахъ. Прочитываетъ письма одно за другимъ и кладетъ ихъ обратно.

1-е письмо.

«Благодарю за письма и за стихи, они прелестны. Только я хотѣла бы знать, къ кому они относятся. Не ко мнѣ, въ этомъ я увѣрена, иначе вы были бы здѣсь».

2-е письмо.

«Вы еще помните меня! Прало, мнѣ часто кажется, что-вы пишете по привычкѣ или по какой-то обязанности, которую вы себѣ создали».

3-е письмо.

«Я все помню, что я говорила. Два мѣсяца подходитъ къ концу. Не старайтесь оправдываться и объяснять. Что у васъ нѣтъ денегъ, это я знаю. Но я ихъ не спрашивала. Здѣсь живутъ люди гораздо бѣднѣе васъ».

Осокинъ ходитъ по комнатѣ и опять останавливается у стола, говоритъ вслухъ;

— И больше она не пишетъ. Последнее письмо мѣсяцъ тому назадъ. А я пишу ей каждый день.

Въ дверь стучать. Входитъ пріятель Осокина, молодой докторъ Ступицынъ, здоровается и въ пальто садится у стола.

— Что такое съ тобой, у тебя ужасно скверный видъ.

Подбѣгаетъ къ Осокину, шутя щупаетъ ему пульсъ. Осокинъ, смѣясь, отмахивается отъ него, но потомъ у него по лицу опять пробѣгаетъ тѣнь.

— Скверно, Володя,—говорить онъ.—Не могу это ясно выразить тебѣ, но чувствую, что я отбился отъ жизни. Вы всѣ куда-то идете, а я остаюсь. Выходить такъ, что я хотѣлъ строить жизнь по-своему, а только изломать ее. Что я теперь? Учитель фехтованія и поэтъ, который пишетъ три стихотворенія въ годъ. Вы всѣ идете обыкновенными путями, но перодъ вами жизнь и будущее. Я все время хотѣлъ лѣзть черезъ всѣ заборы, и въ результатъ и у меня, и передо мной ничего нѣтъ. Ахъ, если бы я могъ начать сначала! Теперь я знаю, какъ бы я все сдѣлалъ. Я не сталъ бы такъ бунтовать противъ жизни и швырять ей назадъ все, что она давала. Я знаю теперь, что нужно сначала подчиниться жизни, чтобы потомъ побѣдить ее. У меня было столько возможностей и столько разъ все повертывалось въ мою пользу. Но теперь больше ничего нѣтъ!

— Ты преувеличиваешь, говоритъ Ступицынъ.—Какая разница между тобой и всѣми нами. Всѣмъ приходится не совсемъ сладко. Что у тебя случилось что-нибудь непріятное?

— Ничего у меня не случилось, а только я чувствую себя выброшеннымъ изъ жизни.

Опять стучать въ дверь. Входитъ хозяйка квартиры, отставной чиновникъ и проситъ денегъ за комнату. Онъ немножко выпивши, и очень любезенъ. Осокинъ уговариваетъ его подождать. Когда хозяйка уходитъ, Осокинъ съ гримасой отвращенія махаетъ рукой.

— Вотъ изъ этой малепькой борьбы съ маленькими непріятностями состоитъ вся жизнь, говоритъ онъ.—А ты что дѣлаешь сегодня вечеромъ?

— Я буду у Павловскихъ въ Сокольникахъ. Тамъ будетъ обсуждаться проектъ кружка психологическихъ изслѣдованій. Ты не будешь? Тебя, кажется, это интересуетъ.

— Да, очонок. Но меня не приглашали. Видишь, Володя, я говорю тебѣ, что я отбился отъ стада. Тамъ кружокъ людей, прикосновенныхъ къ университету. Зачѣмъ я имъ? Я среди нихъ чужой и посторонній, и ненужный. И такъ вездѣ. Мнѣ совершенно чужды три четверти вашихъ интересовъ, три четверти вашихъ разговоровъ. И это всѣ чувствуютъ. Изъ любезности меня иногда приглашаютъ. Но съ каждымъ днемъ я чувствую, какъ эта пропасть растетъ.

Владиміръ Ступницкій что-то говоритъ еще. Хлопаетъ Осокина по плечу, беретъ у него свою книгу, за которой пришелъ, и уходитъ.

Осокинъ тоже одѣвается и хочетъ идти, но подходитъ къ столу и стоитъ задумавшись въ пальто и въ шляпѣ.

— Все было бы иначе, если бы я могъ поѣхать, говорить охъ.— И почему жъ, въ концѣ-концовъ, не поѣхалъ? Видь, доѣхать я могъ бы. А тамъ не все ли равно? Но какъ жить въ Ялтѣ безъ денегъ? Лошади, лодки . . . Это все деньги и деньги. И нужно одѣться. Не могу же я ѣхать туда въ такомъ видѣ, какъ хожу здѣсь. Конечно, все это пустяки. Но если эти пустяки сложить вмѣстѣ . . . А она не понимаетъ этого, не понимаетъ, что я не могу такъ жить тамъ. И она думаетъ другое, что я не хочу, или что меня что-нибудь удерживаетъ здѣсь. Неужели сегодня опять не будетъ письма?